

* * *

оторви от поры глухозимья
край равнины и неба лоскут
облака в нем как фруктов корзины
над растерянной далью бегут

так смешно без напитка в бокале
запрокидывать голову ввысь
мы там новые смыслы искали
но они до сих пор не нашлись

и теперь можно бегать по краю
с облаками наперегонки
всякий раз по чуть-чуть умирая
от налипшей на горло тоски

этот стон у нас песней в миноре
завершил бы любой воробей
перед тем как отправиться к морю
по маршруту воронеж-бомбей

* * *

хорошо что музыка осталась
на слова про жимолость и жалость

можно петь ее когда изранен
от москвы до самых до окраин

с южных гор до северных колдобин
сам себе смешон и неудобен

в наважденье вагнера утонешь
вспоминая рейс бомбей-воронеж

где тристан в рыдающих турбинах
умирает ради нас любимых

ради нас родившихся в пустыне
сорок лет прошло а воз и ныне

там где счастье нищим и недолгим
как сказал о нем профессор волгин

то ли было то ли показалось
хорошо что музыка осталась

* * *

Вздор, душа моя; не хандри¹
как огни ходовые цусимы
петербургские фонари
светят медленно невыносимо

и эскадра уходит на дно
ледяного канала а дальше

¹ А. С. Пушкин — П. А. Плетневу, 22 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

только звездное небо одно
безучастное к траурной фальши

только ангел над шпилем завис
бредит хармс будто он уленшпигель
и старухи-процентщицы вниз
выпадают на верную гибель

вот и мы растворяясь в своих
очертаньях крадемся несмело
словно в детстве нам дали под дых
и на годы в глазах потемнело